

МИНУТА ОТКРОВЕНИЯ

КТО ОН: АКТЕР-ПЕВЕЦ ИЛИ ПЕВЕЦ-АКТЕР?

Олег МЕЛЬНИКОВ сегодня является одним из ведущих солистов белорусского Театра оперы. Уже несколько лет подряд его участие становится залогом успеха той или иной постановки. А каков он там, за сценой? О чем думает именитый исполнитель, когда не костюм и не грим определяют его настроение и ход мыслей?

— Олег Владимирович, как вы оцениваете возможности нашего оперного театра на сегодняшний день?

— Потенциальные возможности огромные. Прежде всего, это очень хороший оркестр, великолепный хор, достаточно мощная труппа солистов. Я много езжу с гастролями и поэтому с уверенностью говорю, что не каждый театр может похвастаться таким объемным репертуаром. Жаль, что многое идет в концертном исполнении в силу экономической ситуации, но это не результат неспособности труппы. А ведь реально делать в сезон 3—4 постановки!

— Вы как-то упомянули о своем намерении создать молодежную группу из подающих надежды вокалистов...

— Да, очень актуально создание стажерской группы молодежи с тем, чтобы отслеживать перспективных студентов с самого поступления в консерваторию. Талантливого исполнителя характеризуют три вещи: чувство формы, вкуса, меры, а содержание присутствует уже само по себе. Ведь музыкальную интеллигенцию тоже надо воспитывать, растить. Я этот этап прошел благодаря моим педагогам. Мне посчастливилось застать маститых дирижеров в Одесском театре, где работал во время учебы в консерватории. Поэтому и хотел бы передать кому-то свои знания, навыки.

— Вы встречаете в этом понимание?

— Нет, пока мне навстречу никто не идет. Разве что — я был приглашен преподавать в музыкальное училище. Теперь мой выпускник Володя Громов учится в консерватории и уже два года работает в нашем театре.

— Вы исполнили достаточное количество ролей. Какие музыкальные образы вам сейчас интересны?

— Меня приглашают петь в разных постановках по всему бывшему Союзу, я постоянно участвую в международных фестивалях. Дома же хотелось бы поставить "Русалку" Даргомыжского, "Хованщину" Мусоргского, "Руслана и Людмилу" Глинки, "Фауста" Гуно. У нас есть певцы, которые справились бы с исполнением, ведь неохваченного репертуара просто масса.

— Как вы чувствуете себя после спектакля, после такой психологической нагрузки?

— Не сплю до 3—4 часов утра, вспоминаю все, что делал, вновь пропускаю через себя спектакль, ищу ошибки, нелепости. Так меня учил мой профессор: запоминать каждый спектакль, как видео-ряд, вплоть до физических ощущений, которые испытывал в тот момент.

— Когда вы осознали, что хотите стать артистом?

— Мечтал об этом сколько себя помню — лет с 3—4. Мама рассказывала, что когда мне было два года, еще не умея говорить, я чисто пел и повторял все мелодии, которые старший брат разучивал на баяне. В 60—70-е годы, во время бума ВИА, с друзьями создали свой ансамбль, играли на вечерах в школе, потом приходилось играть и на свадьбах.

— Расскажите о запомнившихся собственных выступлениях?

— Для меня самое ответственное выступление было в Казани, когда я выиграл Первый конкурс имени Федора Шаляпина на родине знаменитого певца. После

этого со мной захотела познакомиться Ирина Константиновна Архипова. Поездка в Таллинн, где она представляла молодых солистов, и выступление там стали важным этапом в моей творческой жизни. Через некоторое время я получил приглашение от немецкой фирмы на кругосветное путешествие с сольными концертами. Тогда за 7 месяцев посетил 48 стран, а сколько спел концертов — уж со счету сбился. Правда, от приглашения на следующий год пришлось отказаться — тяжело с непривычки.

— Что для вас значит сцена?

— Абсолютно все. Сцена дана актеру для того, чтобы заставить слушателя, который вольготно сидит в кресле, переживать. Но у нас — музыкальный театр, песенная драматургия, и мы не должны идти от слова. Мы должны отталкиваться только от музыки, и здесь находить все невероятные оттенки. В опере режиссеру нужно суметь передать дух времени, донести его до актера, заставить его в этом жить и действовать. Для этого артисту необходимо изменить свою психологию. Ведь я на сцену не иду Мельниковым. Я остаюсь где угодно, но на сцене Мельникова нет. Там нет моих жестов, жизненной походки — этого себе не позволяю. Я создаю образы, иногда могу подсмотреть их на улице. Потрясающе интересно наблюдать за людьми, и очень много в моих работах просто из жизни. Ведь сцена — огромное увеличительное стекло. Мелочей здесь не бывает. Каждая недоделка сразу же видна зрителю, а его не обманешь. Если у меня любовная сцена — я должен побить, если убиваю — должен убивать. Важно заставить поверить в происходящее зрителя. Это может называться актерским мастерством или как угодно по-другому, но без этого нет театра, иначе получается костюмированная филармония.

Искусство — это творчество личности, это невероятно высокая планка, которую ставит само слово "искусство". Это жесточайший труд, огромная самоотдача, постоянное жертвование собой, семьей, родителями. Театр должен стать для артиста домом, иначе это не искусство.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Как сказал один замечательный дирижер, самое страшное для настоящего творческого человека — быть невысказанным. Когда придет момент, и почувствую, что задыхаюсь, и все, что умею, здесь никому не нужно, я уеду.

— Пока у вас нет такого чувства?

— Оно близко.

Наталья КАРДАШ.